
Ресурсы позднеимперской «русификации» на Северном Кавказе

Елена Кобахидзе

Limits of the late Imperial «Russification» on the North Caucasus

Elena Kobakhidze

(V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, Russia)

В конце XIX в., как писал председатель Комитета министров Н.Х. Бунге, «император Александр III справедливо признал, что в русском государстве должны господствовать: *русская государственность*, т.е. русская государственная власть и русские государственные учреждения (конечно, применённые к бытовым условиям инородцев и окраин), *русская народность*, т.е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, *русский язык*, как общий государственный, и, наконец, *уважение к вере*, исповедуемой русским народом и его государем»¹.

Идея «русификации», в разные периоды имевшая разный социальный смысл, с последней четверти XVIII в. и до 1880-х гг. подразумевала прежде всего *политическое* единство в установленных государством административных границах, объединение разнородного населения в рамках общей «гражданственности», что придавало ей оттенок своего рода «цивилизаторской миссии». Однако с 1880-х гг. всё чаще говорилось о формировании *культурно-языкового единства* при доминировании языка и культуры русского населения как основы складывания общеимперской наднациональной идентичности². При этом в каждом национальном регионе осуществлялась своя стратегия интеграции, и, в частности, русификация и в Закавказье, и на Северном Кавказе имела свою специфику.

На Северном Кавказе задачи «русификации» в значительной степени решались в ходе административной практики, нацеленной на переустройство местных общественных структур и стандартизацию разнообразных организационных форм самоуправления. Этот процесс подразумевал широкое распространение в местной среде как государственных административно-правовых институтов, так и принципиально иных норм социально-экономического поведения и связанных с ними культурных ценностей³.

© 2016 г. Е.И. Кобахидзе

¹ Цит. по: Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 3(35). М., 2006. С. 87.

² А. Каппелер и вовсе ограничивает понятие «русификации» культурно-языковой сферой и считает, что она стала проявляться в российской национальной политике лишь с 1860-х гг., но и тогда «не оформилась во всеохватывающую концепцию, которая могла бы совершенно вытеснить наднациональную основную модель» (Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 138).

³ Об «административной русификации» см., например: Russification in the Baltic Provinces and Finland. 1855–1914 / Ed. E.C. Thaden. Princeton, 1981; Russification in Tsarist Russia // Thaden E.C., Thaden M.F. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe. N.Y., 1990. P. 211–220; Weeks Th.R. Russification: Word and Practice. 1863–1914 // Proceedings of the American Philosophical Society. 2004 (December). Vol. 148. № 4. P. 471–489; Миллер А.И. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148; он же. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

Не случайно формированию и реорганизации органов местной власти в горских сельских обществах Северного Кавказа изначально уделялось особое внимание, о чём свидетельствуют, например, проект введения в Осетии волостного управления, ещё в 1816 г. предложенный А.П. Ермоловым⁴, а также специальные разделы разработанной кн. А.И. Барятинским в 1860 г. «Инструкции для окружных начальников»⁵ и Положения о Терской области 1864 г.⁶ Однако практические результаты этой деятельности появились лишь после окончания Кавказской войны и введения на Центральном Кавказе на рубеже 1860–1870-х гг. «гражданского устройства»⁷. К тому времени в общих чертах завершилось создание на Кавказе административной системы, опиравшейся на такое социальное новообразование, как сельское общество.

Организационные формы, введённые «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области», в значительной мере были скопированы с волостных и сельских учреждений России⁸. Власть явно стремилась наделить низы инородческих обществ чертами крестьянского сословия, приводя таким образом всю пёструю массу аграрного населения окраин к единому «стандарту», характерному для «ядра» империи⁹. Между тем взятый за образец «мир» среднерусского крестьянства не имел прямых аналогий в горской общине, представлявшей собой союз свободных арендаторов общинных или фамильных угодий. Сельское общество как низшая административная единица не совпадало с общиной как традиционным институтом землепользования со своими поземельными правами и обязанностями, и могло включать крестьян, не являвшихся членами земельного союза. При этом в результате земельной реформы оно пользовалось самоуправлением и осуществляло в интересах государства несвойственные прежде для горской общины фискальные, полицейские и иные функции¹⁰. В то же время «Положение», разработанное для горцев Центрального Кавказа, существенно отличалось от общих правил, действовавших с 1861 г. во внутренних губерниях России, тем, что учреждало только одну административно-хозяйственную единицу, аналогичную русской

⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 685.

⁵ Там же. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1192–1198.

⁶ ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 1. СПб., 1865. № 38326.

⁷ См.: ПСЗ-III. Т. 44. Отд. 2. СПб., 1873. № 47847; Т. 45. Ч. 2. Дополнение. СПб., 1874. № 48429 а; Всеподданнейший отчёт главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870. С. 119.

⁸ Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871. Ср., например: Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М., 1880. С. 1–87; Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и проч. (Издание неофициальное). М., 1890. С. 1–3, 9–51 и далее.

⁹ *Кобахидзе Е.И.* От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8(47). С. 27–28.

¹⁰ *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010. С. 612–613.

волости, и детально регламентировало все стороны общественной жизни местного населения¹¹.

Однако активное вмешательство местной администрации в быт горцев было чревато серьёзными осложнениями. Характер деятельности сельских старшин, а также их назначение окружными властями, стремившимися прежде всего иметь «надёжных людей» в горской среде, вызывали недоверие к новой должности¹². К тому же аульными старшинами по воле начальства зачастую становились молодые люди, не соответствовавшие традиционным представлениям об авторитете и не пользовавшиеся общественным почтением, либо русские, не знавшие местных обычаев, расположения юртого-общественной земли, что порождало недоразумения¹³. А рукоприкладство, превышение полномочий и злоупотребление ими, действия в обход суда и вызывающее поведение ещё более накаляли обстановку. В канцелярию начальника области поступала масса претензий и жалоб. Более того, дело не ограничивалось письменными заявлениями, и нередко доходило до бунта и требований вернуть право выбора аульного старшины из своей среды. При этом права, предоставленные «Положением» старшинам, сельским судьям и писарям, не воспринимались жителями как «законные», поскольку расходились с привычными представлениями о должном и допустимом как для рядовых членов общества, так и для представителей его элиты¹⁴.

Недостатки действовавшего «Положения о сельских (аульных) обществах» отмечались и руководством края. Так, начальник Терской области С.В. Каханов, сравнивая положение в казачьих станицах и горских аулах, указывал, что «права горцев, как личные и по состоянию, так и имущественные, вовсе не определены, правил о семейных разделах нет, содержание сельских должностных лиц не установлено, надзор за сельским общественным управлением не предусмотрен, порядок увольнения и приписки к сельским обществам не установлен, повинности не определены и проч.»¹⁵. Не менее резко высказывался и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе гр. С.А. Шереметев, заявлявший во всеподданнейшей записке, что существующая административная практика ставит местное население «в весьма затруднительное положение в удовлетворении своих просьб, касающихся его личных и имущественных прав», а сами сельские общества «представляют нередко не юридический союз лиц, связанных между собою общностью экономических интересов, а только людей, случайно поселившихся на известной территории»¹⁶.

Восстановление в феврале 1905 г. Кавказского наместничества и назначение наместником гр. И.И. Воронцова-Дашкова, первостепенной задачей которого

¹¹ Подробнее см.: *Кобахидзе Е.И.* На пути к рационализации управления: процессы интеграции Осетии в административную систему Российской империи // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Ростов н/Д, 2011. С. 149–154.

¹² Материалы по истории осетинского народа. Т. II. Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. С. 313; Материалы по истории Осетии. Т. III. Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Дзауджикау, 1950. С. 31, 168–172, 308.

¹³ Материалы по истории Осетии. С. 172.

¹⁴ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания, ф. 11, оп. 34, д. 435, л. 12–12 об., 34–34 об.

¹⁵ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 г. Владикавказ, 1894. С. 63–64.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 12, оп. 1, кн. 2, д. 3132, л. 17, 15.

являлось скорейшее умиротворение «взбаламученного края», взволнованного межэтническими столкновениями, земельными распрями и нарастающим революционным движением, несколько ослабило напряжение, существовавшее в сельских обществах. В своей «умиротворительной политике» новый наместник рассматривал организацию местного самоуправления как первый шаг к успокоению Кавказа и сближению администрации с населением. Уже в июне 1905 г., «в виду возбуждённых ходатайств со стороны туземных обществ и во внимание к их нуждам и их общественному благоустройству», Воронцов-Дашков распорядился ввести новый порядок выборов старшин, предполагавший непосредственное участие самих сельских обществ¹⁷.

Издержки имперской унификации отчасти сглаживала политика в сфере образования, позволявшая горцам относительно безболезненно войти в мир «большого общества». На Кавказе русский язык, который всегда рассматривался как «главнейший фактор объединения разноплемённого коренного населения края с империей»¹⁸, изначально занял безоговорочно доминирующие позиции. Поначалу он проникал в местную среду благодаря православным миссионерам и священникам из горцев, обучавшихся в русских учебных заведениях. Наряду с проповедью христианства среди народов Центрального Кавказа (из которых только осетины могли, и то с долей условности, считаться православными), созданная в 1745 г. Осетинская духовная комиссия активно занялась просветительской деятельностью.

Для горцев (и осетин в особенности) образование открывало новые возможности: знание русской грамоты не только значительно поднимало авторитет общинника в глазах односельчан, но и позволяло занять привлекательную должность писаря, либо продолжить обучение и стать учителем, причетником или даже священником¹⁹. Нередко жители изъявляли желание, «чтобы в их селение был назначен непременно русский учитель», поскольку тогда «их дети скорее научатся русскому языку»²⁰. Вместе с тем у них возникало чувство сопричастности намного более широкой социальной общности, чем любой патриархальный кровнородственный или территориальный коллектив.

Ещё в 1853 г. в «Положении о Кавказском учебном округе» Николай I ставил задачу «сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний, и таким образом постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, которая существует в прочих частях государства»²¹. К тому же стремился и ставший в 1862 г. наместником вел. кн. Михаил Николаевич, заявлявший, что «только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности»²². Его программа, нацеленная на «окончательное сближение всей системы образования на Кавказе с принятой

¹⁷ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 696, л. 4, 22–22 об; д. 617, л. 22–22 об.

¹⁸ Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 103–104.

¹⁹ См.: *Гостиева Л.К.* Православие в Осетии: очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ, 2014.

²⁰ Отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Владикавказ, 1914. С. 112; Материалы по истории осетинского народа. Т. V. Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. С. 179.

²¹ ПСЗ-II. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1854. № 27646. С. 498.

²² Всеподданнейший отчёт главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. С. 99.

Министерством народного просвещения», не предусматривала каких-либо мер, учитывающих особенности края²³.

Тем не менее утверждённое в 1867 г. по инициативе наместника «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом» при увеличении количества часов, отведённых на изучение русского языка, допускало преподавание в начальных училищах и местных («природных») языков²⁴. В школах духовного ведомства, в соответствии с «Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» 1874 г., занятия также шли на русском, хотя ещё в 1863 г. в их «Правилах» выражалось намерение использовать «природный язык»²⁵. Издание в 1897 г. Министерством народного просвещения примерных программ преподававшихся в начальных училищах дисциплин окончательно закрепляло возможность обучения только на русском языке.

В целом же, судя по отчёту попечителя Кавказского учебного округа за 1903 г., в 1 928 из 2 086 начальных школ (92.3%) преподавание велось по-русски, и лишь в 158 родной язык использовался как вспомогательный при изучении русского²⁶. Уже в начале XX в. это беспокоило представителей местной интеллигенции²⁷. После восстановления в 1905 г. Кавказского наместничества им удалось добиться введения в учебную программу осетинских школ обязательного изучения осетинского языка²⁸.

В итоге Северный Кавказ, где не были введены правила 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», остался в стороне от полемики 1870–1880-х гг. о путях начального образования на окраинах. Власти опасались, что при полиэтничном и поликонфессиональном составе населения появление сети училищ, в которых использовались бы местные наречия и поддерживались конфессиональные предпочтения, вызвало бы «нежелательное усиление племенных и религиозных различий»²⁹.

Вместе с тем русский язык являлся (и признавался!) языком не только государственного управления, но и межэтнического общения. Ещё в 1868 г., убеждая областное начальство в желательности начинать обучение в осетинских школах «прямо с русского языка», начальник Владикавказского округа рапор-

²³ Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 41. Подробнее см.: Гагагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44748. Местный язык оставался лишь предметом изучения и в духовных училищах, где готовились приходские священники и учителя церковно-приходских школ (например, в созданном в 1887 г. Ардонском Александровском духовном училище, преобразованном в 1895 г. в Ардонскую миссионерскую духовную семинарию). См.: Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 244–246; Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г. СПб., 1889. С. 204–207.

²⁵ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 118, 134–137.

²⁶ Миротиев М.О. О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. 225–230.

²⁷ См., например: Петиция учителей школ Северной Осетии, поданная Владикавказскому епископу // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. VIII. Орджоникидзе, 1934. С. 191–192; Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. № 3. С. 36.

²⁸ См.: Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. С. 106–107; Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 175–177.

²⁹ Миротиев М.О. Указ. соч. С. 229–230.

товал, что «ныне не редкость встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого». По его словам, в Осетии охотно отдавали своих детей «в станицы казакам для обучения русской грамоте»³⁰. Нередко осетины и ингуши отдавали своих детей городским жителям в услужение без всякой платы, но с единственным условием – выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски³¹. Уже в середине 1890-х гг. гр. С.А. Шереметев констатировал, что его предшественники, следовавшие «Высочайшим предначертаниям в отношении этой окраины, – в установлении полного слияния её с остальными частями нашего обширного отечества», добились больших успехов благодаря «преобладанию русской народности» и «значительному сравнительно распространению русского языка среди племён, населяющих Кавказ»³².

Между тем, хотя школа «для народа» была объявлена «краеугольным камнем нравственного и материального благосостояния всего края», нуждавшегося в подготовке местных управленческих кадров, на Центральном Кавказе остро ощущалась хроническая нехватка учителей³³. Действовавшее с 1868 г. «Положение о Кавказских воспитанниках в высших и специальных учебных заведениях Империи», разработанное для «снабжения края специалистами по некоторым отраслям администрации и деятельности общественной и промышленной»³⁴, лишь отчасти помогало решать данную проблему. Подготовкой учительских кадров занимались Общество восстановления православного христианства на Кавказе, руководившее Владикавказским духовным училищем, Тифлисская семинария, где обучалось всё осетинское духовенство, учительская школа в Тифлисе (открытая в 1866 г. и в 1872 г. преобразованная в Александровский учительский институт) и Кубанская учительская семинария, которая вскоре «стала переполняться стипендиатами сельских и станичных обществ»³⁵.

Впрочем, даже в совокупности эти учебные заведения не могли обеспечить потребности края в учителях. Накануне Первой мировой войны начальник Терской области с сожалением отмечал, что «среди туземцев почти совсем нет учителей», и поэтому «приходится назначать в туземные училища русских учителей и учительниц, которые начинают преподавание прямо на государственном языке. Те же немногие из туземцев, которые получили учительское звание, неохотно идут в туземные училища и предпочитают добиваться мест в русских, преимущественно станичных училищах»³⁶. Между тем горцы стали всё чаще выносить на сельских сходах приговоры об открытии приходских школ³⁷. Им, как правило, направлялись и выделенные на начальное обучение казённые средства: «Большинство вновь открытых школ принадлежит этим селениям, именно: среди кабардинцев открыто 22 школы,

³⁰ Материалы по истории осетинского народа. Т. V. С. 129.

³¹ *Мартирозиан Г.К.* Социально-экономические основы революционных движений на Терек-ке. Владикавказ, 1925. С. 22.

³² ЦГИАГ, ф. 12, оп. 1, кн. 2, д. 3132, л. 1–1 об.

³³ Подробнее см.: *Модзалевский Л.* Указ. соч. С. 73; *Гатагова Л.С.* Указ. соч. С. 60.

³⁴ ПСЗ-II. Т. 48. Отд. 2. СПб., 1876. № 46454. С. 404.

³⁵ *Модзалевский Л.* Указ. соч. С. 73.

³⁶ Отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. С. 112.

³⁷ См.: Из отчёта наблюдателя церковно-приходских школ о состоянии учебно-воспитательной работы в школах Осетии за 1905–6 уч. год // Материалы по истории Осетии. С. 184.

осетин – 17 школ, ингушей – 15, чеченцев – 35, всего 89 школ. Отчётный год должен быть отмечен как показание особого подъёма и запроса на начальное образование. Просьбы и ходатайства об открытии школ получались в дирекции со всех сторон, в том числе и от туземного населения. На первом месте в этом отношении стоят чеченцы и кабардинцы и затем осетины и ингуши. И только недостаточное ассигнование средств из государственного казначейства обуславливает малую возможность полного удовлетворения этих ходатайств»³⁸.

Вместе с тем можно с уверенностью говорить об успешности русификации, состоявшейся не столько благодаря целенаправленным действиям соответствующих ведомств и их образовательных институтов, сколько ввиду отсутствия реальных условий для утверждения местных языков во всех сферах общественной жизни наравне с государственным. Весьма ограниченная сфера их бытования объективно обеспечивала русскому языку широкое проникновение в местную среду и вызывала у населения настоятельную потребность в его изучении.

Этому способствовала и начавшаяся ещё во времена Екатерины II колонизация Кавказа, заметно усилившаяся в пореформенные десятилетия. Исходя из сугубо политических задач, власти империи поддерживали переселение на Кавказ и в Предкавказье «русского элемента», поначалу – казаков, а с 1860-х гг. и крестьян центральных губерний³⁹. На новоприобретённой окраине они считались надёжной социальной опорой и, по мнению администрации, могли оказать «немаловажное нравственное воздействие» на местных жителей. Поселенцы действительно несли с собой мощный культуртрегерский потенциал, оказавший заметное влияние на социально-экономическое развитие региона.

Законы и положения о переселении на Кавказ 1880–1890-х гг. были призваны всячески ему способствовать. Однако перенаселение края, ощутимое уже в «золотые» для земледельческой колонизации 1870-е гг.⁴⁰, вело к истощению его земельного фонда. По свидетельству Каханова, прибывавшие крестьяне «всё более и более» заселяли «свободные земли во всех углах области, занимая как казённые, так и частновладельческие участки», что не только ощутило увеличивало численность населения, но и резко сокращало размеры земельных наделов. Тем не менее Каханов был убеждён в том, что поселение выходцев из внутренних российских губерний «крупными благоустроенными сёлами, с церквями, школами, торговлей и промышленностью, несомненно, ускорит умиротворение области»⁴¹. При этом он придавал особое значение «водворению их в известной последовательности – так именно, чтобы целая сеть русских хуторов разъединяла сплошную массу инородческих поселений». Подобные меры

³⁸ Отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. С. 111–112.

³⁹ См.: «Положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», 10 мая 1862 г. // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 1. № 38256; О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск, 29 апреля 1868 г. // Там же. Т. 43. Отд. 1. СПб., 1873. № 45785.

⁴⁰ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996. С. 93.

⁴¹ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. Владикавказ, 1895. С. 17.

должны были «служить одним из лучших средств для упрочения в области русской культуры и гражданственности»⁴².

В середине 1890-х гг. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, видевший в «усилении русского населения на Кавказе» задачу, решение которой является «весьма желательным с точки зрения общих интересов государства», констатировал: «Ознакомление с данными об имеющемся на Кавказе запасе казённых земель не оставляет сомнения в том, что губернии Кавказа не представляют условий, которые позволяли бы рассчитывать на широкое развитие в них русской колонизации, ибо не только сравнительная незначительность находящихся здесь земель, но свойства последних устраниают предположения о направлении сюда усиленного переселенческого движения». Правительству следовало теперь стремиться «не к открытию Кавказа для переселения, а к заселению лишь в пределах возможности свободных его земель русскими людьми». «Настоящее положение Кавказа, – считали в МВД, – являя, с одной стороны, недостаточную для столь богато одарённого от природы края густоту населения, а с другой – преобладание исключительно инородческого, и частью даже мало благонадёжного населения.., не может быть признано нормальным. Вместе с тем не подлежит сомнению, что изменение сего положения возможно и желательно только путём привлечения в край коренного русского населения, которое одно способно содействовать развитию названной окраины в направлении культурного сближения с остальными частями империи... При таких условиях..., как бы ни был ограничен существующий на Кавказе запас свободных земель, его надлежит целесообразно использовать для водворения русского населения»⁴³.

В результате, с 1899 г., согласно Положению Комитета министров о разрешении переселений в Ставропольскую губернию и местности Северного Кавказа, «весь свободный наличный запас казённой земли, не состоящей в отводе казённых крестьян», предоставлялся исключительно русским поселенцам православного исповедания. При этом пригодность сдаваемых в аренду участков должна была определяться с учётом прежде всего интересов приезжих и независимо от земельного положения «туземных поселян»⁴⁴. Впрочем, как разъяснял разосланный 15 марта 1901 г. циркуляр главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, «полезными колонизаторами вновь заселяемых местностей» могли считаться только те, кто обладал определённым имущественным цензом (около 300 руб. на семью), опытом предшествующего самостоятельного ведения земледельческого хозяйства («хотя и на заарендованных землях»), а также достаточным количеством рабочих рук⁴⁵.

Но предпринимаемые меры не компенсировали отсутствие внятной программы колонизации, о необходимости которой резко говорил, став наместником, Воронцов-Дашков⁴⁶. Перенаселение не только превращало Северный

⁴² Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1892. С. 27.

⁴³ ЦГИАГ, ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 1–2 об. См. также переписку И.Л. Горемыкина с министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым: *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 558–562, 567.

⁴⁴ *Исмаил-Заде Д.* Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 332–333.

⁴⁵ ЦГИАГ, ф. 12, оп. 3, д. 63, л. 41 об.–42.

⁴⁶ Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. С. 72–76.

Кавказ в регион, в свою очередь «выбрасывающий» миграционные потоки (преимущественно в Закавказье), но и обостряло существовавшие социальные противоречия, усугублявшиеся земельным голодом, от которого одинаково страдали все местные народы, особенно в нагорной полосе⁴⁷.

В целом для Центрального Кавказа процессы имперской унификации оказались довольно болезненными и чреватými будущими конфликтами: встреча автохтонных обществ с российской государственностью неизбежно сопровождалась ломкой всей системы устоявшихся социальных ролей и связей при одновременном формировании новых идентичностей и мотиваций.

⁴⁷ См.: Труды комиссии по исследованию современного землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 97–100, 166; *Тедтоев А.А.* Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX вв. Дзауджикау, 1952. С. 27, 28; *Мартirosiан Г.К.* Указ. соч. С. 48–49; *Цориева И.Т.* Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Владикавказ, 2011.